

ТЕМАТИЧЕСКОЕ ДОСЬЕ: Идеология, мораль и международные отношения: опыт Востока и Запада

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232

«ЗАПАД» И «НЕ ЗАПАД» В ПРОСТРАНСТВЕ ТЕОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Т.А. Алексеева

Московский государственный институт международных отношений
МИД РФ, Москва, Россия

В последнее время вопрос о «прозападной ориентации» теории международных отношений стал предметом дискуссии в научной среде. Ее критики и сторонники «незападных» теорий отчасти правы. В самом деле, на протяжении более чем полутора столетий теория международных отношений, возникшая и разрабатываемая, главным образом, на Западе, очевидно поддерживала представления, сформировавшиеся сначала в Европе, а затем в США. Англо-американские авторы и сегодня доминируют в дисциплине, причем не только количественно (огромные масштабы публикуемой научной литературы и профессиональных журналов на английском языке плюс влияние университетов и научных центров), но и качественно (впечатляющее финансирование открывает возможность для разработки новых идей и их развития со стороны самых разных научных «школ» — политического реализма, либерализма, конструктивизма, постмодернизма, постмарксизма и т.д.).

В теории международных отношений всегда ощущалась идеологическая предвзятость. Однако на волне деколонизации и позднее, по мере возрастания роли азиатских и других стран в мировой политике, господству Запада в области теории был брошен вызов — международники из КНР, Индии и др. стран пытаются создать собственные теории международных отношений, отражающие опыт и традиции этих стран. Соотношение медленно, но все же начинает меняться. Тем не менее и «незападные» теории также не свободны от идеологических предвзятостей. Нередко они отрицают или подвергают жесткой критике западные теории именно в силу их происхождения. Еще чаще они по существу продолжают развивать те же западные идеи, лишь добавив к ним имена местных мыслителей или какие-то ссылки либо на собственные национальные традиции, религиозное и культурное наследие. Однако, если теория международных отношений является наукой, то неважно, в какой стране она родилась и на каком языке говорили ее главные персоналии. Конечно, элементы идеологии (в большей или меньшей степени) действительно в ней присутствуют. Подобно любой другой социальной науке, имеющей дело не только со структурами, но и с человеческим фактором, она неизбежно идеологична. Но это не означает, что теорию следует отождествлять с идеологией. Выход — в деконструкции имеющихся теорий, их «очищении» от слишком очевидных идеологических моментов, стало быть, позиция международника должна быть априорно критичной, но сохраняющей уже сформированное научное содержание.

Ключевые слова: евроцентризм, теория международных отношений, американское доминирование, «не Запад», «Запад», идеология, наука

С конца прошлого века и особенно в последние годы среди теоретико-международных исследований появилось новое направление — история теории международных отношений [Ashworth 2014; Dunne, Hansen & Wight 2013; Thies 2002;

Quirk & Vigneswaran 2005]. И открытия не заставили себя ждать. За прошедшее двадцатилетие было опубликовано немало работ, ставящих под сомнение каноническое изложение теории МО, предложив альтернативное, иногда убедительное, иной раз не очень, прочтение становления и эволюции теоретических исследований в этой сфере.

В данной статье автор останавливается только на одном аспекте проблемы — пространственном, т.е. на вопросе о том, кто, когда и как сформировал дисциплину теории международных отношений (ТМО) и есть ли (и нужны ли) другие ответы на извечные вопросы войны и мира, сотрудничества и прогресса.

Некоторые критики указывают, что ТМО не столько изучает внешнюю политику и международные отношения как объективную, универсалистскую и позитивистскую (или постпозитивистскую) науку, сколько подспудно, а часто и откровенно поддерживает и восхваляет Запад. Иными словами, грань между научной теорией и внешнеполитической идеологией зачастую оказывается условной. Известный американский международник Стэнли Хоффман даже назвал теорию международных отношений «американской социальной наукой эпохи холодной войны» [Hoffman 1987: 3—24], указав на ее привязанный к конкретному времени, если не конъюнктурный, характер. Эту связь, как представляется, довольно точно разъяснил более поздний автор — известный международник из Канады Роберт Кокс: «Теория всегда существует для кого-то и с какой-то целью» (в другом месте еще жестче — «Теория международных отношений — почти всегда за Запад или во имя интересов Запада»). И далее он раскрывает свою точку зрения: каждая теория опирается на определенный способ мышления. Перспектива вытекает из позиции во времени и пространстве, особенно социального и политического времени и пространства. Мир рассматривается из точки, определяемой в духе нации или социального класса, господства или подчиненности, поднимающейся или склоняющейся к упадку страны, из ощущения неподвижности или присутствия кризиса прошлого опыта или надежд и ожиданий на будущее. Разумеется, совершенная, тщательно разработанная теория никогда не бывает просто выражением (идеологической. — *Прим. авт.*) перспективы. Чем более сложной и совершенной является теория, тем в большей степени она превосходит, выходит за пределы своей установки. Соответственно, не существует теории в себе, в отрыве от времени и пространства [Cox 1981: 127]. Эта формула стала сегодня чуть ли не мантрой для большинства международников.

Беда лишь в том, что сказанное можно отнести практически к любой социальной или гуманитарной науке, что приводит к периодическим вспышкам рассуждений ученых-естественников о том, что вся эта область знания — искусство, литература, метафизика, все что угодно, но никак не наука. Если принять позитивистскую точку зрения на науку, по-видимому, это действительно так. Но вспомним, что на протяжении нескольких десятилетий ТМО твердо стояла на позитивистских основаниях и лишь в 1980—1990-е гг. ей стало тесно в их рамках и начались попытки выхода за пределы ее строгих логических и рационально-фактологических требований.

В конце концов теория МО, подобно другим социальным наукам, «работает» с человеком и, соответственно, должна быть более гибкой, чувствительной к особенностям поведения людей, в том числе и в международной сфере. Крупнейший французский социолог Раймон Арон писал в свое время, что межгосударственные отношения выражаются в специфическом поведении символических персонажей — дипломата и солдата. «Два и только два человека, — пишет Р. Арон, — действуют не просто в качестве членов, а в качестве представителей общностей, к которым они принадлежат: посол при исполнении своих функций представляет политическую единицу, от имени которой он выступает; солдат на поле боя представляет политическую единицу, от имени которой он убивает себе подобного» [Aron 1984: 17, 22]. Иначе говоря, международные отношения в самой своей сущности содержат альтернативу мира и войны. Но при этом они основаны на вероятностном характере того и другого и поэтому включают в себя значительный элемент риска и столь же заметный аспект условности. Как следствие, многие международники воспринимают ТМО одновременно как искусство и как науку.

Заметим, впрочем, что само определение науки отношь не бесспорно, подобно тому, как крайне противоречивы отмечаемые различия между естественными и социальными науками. Как представляется, разговор о теории международных отношений как науке или идеологии (или искусстве) должен происходить скорее через дихотомию «больше-меньше», нежели через противопоставление «или-или».

Столь же неверно полностью отвергать роль Запада в создании и развитии социальных наук, включая и ТМО. В конце концов, именно на Западе родились чуть ли не все основные элементы языка международных исследований — от баланса сил до международных режимов; идеи институтов, в том числе, ООН; общепринятые практики — от методов дипломатии до требований протокола, и т.д., не говоря уже о методологии исследования. Другое дело, что есть определенные искажения и перекосы, заслуживающие внимательного анализа и отдельного разговора. Как бы там ни было, теоретические исследования международных отношений — преимущественно европейский конструкт, проявившийся во множестве форм, идей и взглядов почти за четыре века своего развития, начиная с перехода к модерну (современности) в XVI—XVII вв., тогда же, когда началось изучение классической, а спустя более чем три столетия неклассической и постнеклассической науки в широком смысле слова. И, подобно другим областям знания, ТМО также проходила разные стадии — от философии к международно-политической мысли, теории международных отношений как ее понимали на Западе, и далее — к политической философии, политической теории, социологии, этике, эстетике, лингвистике, аналитике и статистике, разветвляясь и углубляясь, и затрагивая все более широкий спектр познания, подобно самому объекту ее изучения — международным отношениям.

ЕВРОЦЕНТРИЗМ В МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Проблема евроцентризма вышла на первый план относительно недавно, главным образом, на волне подъема деколонизации. Американский ученый арабского происхождения Эдвард Саид в своей книге «Ориентализм», опубликованной

в 1978 г., показал, что западная покровительственная репрезентация Востока была тесно связана с империализмом. В XIX в. «каждый европеец, — писал Саид, — в отношении того, что он мог сказать о Востоке, являлся... практически полностью евроцентричным расистом и империалистом» [Said 2003: 203—204]. Можно назвать множество авторов, которые рассуждали примерно в том же духе, стремясь дискредитировать и раскритиковать европейскую традицию в исследованиях международных процессов, однако дальше этого все-таки не пошли.

Были и другие крайности. В отличие от Э. Саида, современный американский международник Джон М. Хобсон доказывает, что евроцентризм имеет самые разнообразные формы, причем не только империалистические, но и антиимпериалистические. Но все же, по его мнению, теория МО не справляется со своей главной задачей — созданием объективной и рациональной теории, объясняющей основные международные явления и процессы. Вместо того чтобы разрабатывать общие, универсальные теории межгосударственного поведения, «теория международных отношений не столько объясняет международную политику в объективной, позитивистской и универсальной манере, сколько стремится местнически восхвалять, защищать и продвигать Запад как упреждающий субъект и высший или идеальный нормативный референт мировой политики» [Hobson 2012: 1]. Проанализировав труды широкого круга теоретиков-международников, начиная от Ричарда Кобдена и Адама Смита и вплоть до Кеннета Уолца и Дэвида Хелда, Хобсон пришел к выводу о том, что в области международно-политических знаний удалось сформировать 6 устойчивых мифов, кочующих из одного учебника или монографии в другие, в целом составляющих евроцентрический миф. Все они нуждаются в фундаментальной деконструкции политики [Hobson 2010: 14—20].

Миф первый — историографический (миф о благородной первооснове). Этот аспект связан с историей / историографией дисциплины. Теория, как утверждают множество авторов, явилась воплощением учения вигов о своей интеллектуальной истории, возродившись в период Первой мировой войны с благородными моральными целями — найти способ исключения войны из политики. Однако, по крайней мере с 1760 г., теория уже была подкреплена различными евроцентристскими метанарративами, которые так или иначе совершали работу по защите и представлению Запада как самого важного нормативного объекта в мировой политике. Иначе говоря, можно обнаружить сильную преемственность между ТМО до 1914 г. и ее межвоенным продолжением. Вопреки утверждениям, международная политика (ТМО — в широком смысле), ни прошлая, ни нынешняя никогда не была просто пассивным отражением евроцентризма и научного реализма, а сама играла важную роль в конституировании этого дискурса, т.е. между евроцентризмом и теорией имеется весьма эффективная близость, родство. И, что еще важнее, теория всегда была политически исполнительной, перформативной в том смысле, что она создавала возможности для операционализации и реализации в практике мировой политики своих идей.

Миф второй — позитивистский. Будучи наукой, опирающейся на позитивистскую эпистемологическую основу, теория международных отношений строилась на основании фактов, будучи свободной от ценностей. Но интересы Запада

разнообразны и неоднократно меняли свой фокус, к тому же западные ценности обычно воспринимаются как данность и не нуждаются в анализе при проведении социальных исследований как высшем идеале и образце, на который следует равняться в мировой практике. Они обычно подразумеваются, воспринимаются как данность, не нуждающаяся в дополнительном обосновании. Иными словами, большинство теорий международных отношений не только не свободно от ценностей, а проводит ограниченный анализ Запада, который маскируется под всеобщий.

Миф третий — «миф о великих дебатах». Утверждается, что ТМО движется вперед посредством напряженных, но здоровых интеллектуальных столкновений — дебатов, принимающих форму манихейских героических сражений. Как считается, это и составляет формирующую генеалогию дисциплины, таким образом, студенты могут получить представление о ней всего лишь изучив эти великие битвы: между либерализмом (идеализмом) и реализмом, между бихевиорализмом и историческим (традиционным подходом английской школы), и, наконец, между тремя лидирующими парадигмами в 1970-х гг. и между позитивистами и пост-позитивистами в 1990-х гг. По мнению Хобсона, пока введение в дисциплину подается через столкновение между радикально различными теориями, будь то реализм, либерализм, марксизм или конструктивизм — выходит, что все эти теории во многом проявляют лишь незначительные отклонения от согласованного евроцентризма (или просто принятых в академической среде норм и правил. — *Прим. авт.*).

Миф четвертый — *суверенитет/анархия*. Теория МО имеет дело с изучением и теоретизацией отношений между суверенными государствами в анархическом мире (т.е. при отсутствии верховного авторитета). Иными словами, анархия подразумевает суверенитет. Однако международно-политическая мысль, как правило, начинала свой анализ не с суверенитета, а с социального анализа, соответственно, межгосударственные отношения рассматривались как следствие, вытекавшее из априорной концепции «социального стандарта цивилизации». Хотя и по-разному, но ТМО направляла свое внимание не на одноуровневое поле юридически равных суверенных государств, а на неровную площадку глобально-цивилизационной иерархии и градации суверенитета. Более того, была выдвинута идея формальной иерархии, которая поддерживает гиперсуверенитет западных государств и либо отрицает суверенитет как таковой в отношении восточной формы правления (неоимпериалистическая международная теория после 1989 г.), либо обосновывает «условный суверенитет», который может быть преодолен, если не отвечает «условиям цивилизованности», что вполне соответствует принципам либерального подхода к МО.

Пятый миф — *миф о глобализации*. Это не означает, что глобализации не существует. Популярна идея, что глобализация — относительно недавний феномен (во многих статьях и книгах доказывается, что глобализация началась с 1970-х гг., точнее, в это время американскими бизнес-школами был введен в оборот сам термин. — *Прим. авт.*). Однако фактически, начиная с 1760 гг., мыслители немало внимания уделяли именно процессам и проблемам глобализации, даже если употребляли другие термины (у Карла Маркса речь шла об универсали-

зации. — *Прим. авт.*). Глобализация была политически сконструирована разными путями. Первый вариант — как противопоставление угрозе варварства (политический реализм, и особенно так называемый западный реализм после 1989 г.), а также культурный реализм до 1945 г. и «Евроцентрический культурный реализм» после 1989 г. Другое течение — «глобализация как возможность для Запада» — перестройка мира с целью направить его «по западному пути» (от всевозможных теорий догоняющего развития, модернизации и вплоть до распространения демократии). Джон Хобсон выделил в нем 3 источника: «патерналистский евроцентризм» (Маркс, Джон Аткинсон Хобсон, Анджел, Циммерн, Вулф); либерально-империалистический «наступательный реализм» (offensive realism) (Рейнш, Сиджвик, Уилсон и Кид и др.); и, наконец современный «патерналистский евроцентризм» (Роулс, Фукуяма и мн. др.).

Шестой миф — теоретический миф о великих традициях. Речь идет о стандартной линейной идее продолжающихся великих традиций в теоретических исследованиях международных отношений. Ключевые теории — либерализм, реализм и марксизм — часто представляют с точки зрения антиисторических непрерывных великих традиций, которые появились несколько столетий назад, если не тысячелетий. Например, политический реализм прослеживает свою традицию от Фукидида, через Томаса Гоббса и Н. Макиавелли, позднее Карра и Моргентау и вплоть до Уолца, Гилпина и Миршаймера. В процессе строительства линейки, все неоднородности становятся неотчетливыми, но каждый теоретик демонстрирует изоморфные свойства своего теоретизирования.

Корни всех перечисленных мифов, по Хобсону, лежат в общепризнанном, но неверном предположении о том, что ТМО представляет собой совокупность книг, содержащих объективные трансисторические взгляды и утверждения универсальных истин, о самоопределенной сфере деятельности, описанной как международная политика. Или иначе, это якобы свободное от ценностей объяснение политики в отсутствие центрального авторитета. Хобсон видит в ней нечто иное — попытку узаконить и рационализировать превосходство Запада над всеми остальными, выискивая чуть ли не в каждом тезисе эксплицитный или имплицитный расизм, а также империалистические и патерналистские темы. Хобсон выделил несколько типов расизма в ТМО: научный расизм, расизм-реализм, расистский либерализм, расистско-реалистский империализм, универсалистский оборонительный расизм и расистский культурный реализм. Это позволило ему применить расистский принцип чуть ли не ко всей истории теории международных отношений, что, разумеется, является крайностью и изрядным преувеличением.

Хотя некоторые моменты зафиксированы Хобсоном довольно правильно, все же его возвращение к обвинениям ТМО в неприкрытом расизме, как представляется, перегиб и, строго говоря, еще один миф, заслуживающий не менее тщательного анализа, нежели 6 мифов, сформулированных самим исследователем.

Неудивительно, что это вызвало изрядную критику подхода Хобсона. В частности, американский исследователь Роберт Виталис доказывает, что если проблемы империи, расизма и империализма в целом, в самом деле, занимали централь-

ное место в конце XIX в., они оставались почти незаметными на фоне истории теоретической мысли со времен вестфальских договоров [Vitalis 2000: 331—336]. Не говоря уже о сегодняшнем дне.

Скажем больше. Евроцентризм пронизывает чуть ли не все социальные науки, хотя отрицать роль европейских ученых в создании современной науки было бы другой идеологической крайностью. Все-таки есть различие между признанием роли Европы в истории человечества и обвинениями в полном евроцентризме, элементы которого неизбежно присутствуют, но отнюдь не сводятся только к этому. Иначе, вместе с водой мы рискуем выплеснуть и ребенка.

АМЕРИКАНСКОЕ ДОМИНИРОВАНИЕ В ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Изучающий теорию международных отношений может обратить внимание на очевидное доминирование в огромном потоке теоретико-международной литературы англо-саксонских и, особенно, американских авторов. В самом деле, вклад англо-американской традиции в осмысление мировых процессов огромен, что вполне понятно — США как глобальная держава и мыслит в мировом масштабе, а это предполагает высокий уровень абстракции. «На протяжении нескольких десятилетий после окончания Второй мировой войны Соединенные Штаты являли собой *одну из главных точек роста мировой политической мысли и центр развития мировой политической науки*», — подчеркивает российский американист Э.Я. Баталов [Баталов 2014: 9].

В отечественной научной литературе этот вопрос довольно основательно изучен. Основные причины сложившейся ситуации проанализированы, например, в статье В. Зубока и Э. Ширяева [Зубок, Ширяев 2015: 19—20]:

- ◆ американские и английские университеты по-прежнему, как и полвека назад, остаются главными центрами формирования теоретических и методологических знаний о международных отношениях;

- ◆ английский язык сегодня — язык мировой науки, поэтому англоязычные журналы и научные публикации автоматически имеют мировой охват, в них публикуются исследователи от Новой Зеландии до Южной Африки, от Норвегии и Канады до России и Индии;

- ◆ в ходе холодной войны, когда США приняли на себя роль лидера Запада, вопрос о месте США в мировой системе, их стратегии и реагировании на вызовы со стороны Советского Союза, вопросы ядерной безопасности и безопасности в целом в рамках биполярного мира оказались на долгое время в центре внимания исследований МО. Для обслуживания этой роли была создана целая сеть правительственных, независимых и университетских исследовательских и аналитических центров, как следствие, количество теоретиков-международников во много раз превосходит их число в других странах;

- ◆ финансирование проектов. США и другие западные государства выделяют подавляющий объем средств на исследовательские проекты, аналитические доклады, международные конференции, публикации книг, подготовку студентов и т.д.;

♦ открытость и инновативность американских университетов. Профессора часто становятся сотрудниками государственных учреждений и затем вновь возвращаются к преподаванию, т.е. действует «личная уния». Эту особенность нередко называют синдромом Киссинджера. Кроме того, университеты традиционно были открыты для многочисленных иммигрантов из Европы и других стран, которые привозили с собой другие идеи и образовательные традиции, поэтому среди вроде бы американских теоретиков-международников так много выходцев из Старого Света.

Как следствие, западные теории наиболее систематизированы и аналитически разработаны, что в немалой степени повышает уровень их признания в международном сообществе. Как бы там ни было, 76% авторов в наиболее читаемых журналах о международных отношениях сегодня из США, там же работают 16 из 20 наиболее престижных университетов мира, готовящих международников. При этом до 96% американских международников получают свои ученые степени у себя на родине [Jordan, Malinyak & Oala 2009: 12].

Заметные различия имеются также в понимании самого характера теории международных отношений в США и Западной Европе. Американцы чаще стоят на позициях жесткого позитивистского основания, европейцам присуще более мягкое отношение к теории. Для американской теории весьма важна, в соответствии с требованиями позитивизма, возможность операционализации рассматриваемых действий и феноменов, а также объяснение причинно-следственных связей. Многие европейские исследователи, рассуждая о теории, рассматривают ее как совокупность представлений, которые системно организуют сферу исследований, структурируют задаваемые вопросы и формируют связную и более или менее строгую группу концепций и категорий.

Профессор университета Сьянс По в Париже Бертран Бади следующим образом поясняет нынешнюю ситуацию [Бади 2016: 9—10]. Прежде всего, США и Европа, включая Великобританию, опираются на разные традиции международно-политической мысли. Эти страны вынесли также разный опыт из Второй мировой войны, что надолго предопределило их интересы. Если Соединенные Штаты могли воспринимать силу в качестве источника своей новой гегемонии, то европейцы пребывали под влиянием наследия старой Европы с ее компромиссами и конфронтацией. И без того более скромные масштабы международных исследований в Европе (в США только Ассоциация международных исследований ежегодно собирает на своих конгрессах порядка 5000 участников) демонстрируют преобладающий интерес к историческим прецедентам разобщенного и неоднородного континента и одновременно к вопросам формирующейся интеграции, антропологии, ценностям и культуре. В США международные исследования изначально носят универсалистский и глобалистский характер, отсюда предпочтение, которое отдается рациональности, статистике и количественным методам. Как следствие, «конфигурация теории, которая стала доминирующей, фактически характеризуется сведением всего многообразия путей исторического развития к одной единственной истории, а универсальности — к одной единственной культуре» [Бади 2016: 10], — американской. В то же время такой подход все же долгое время был довольно

ограниченным и односторонним и, в конце концов, речь идет не о естественных, а социальных науках, в которых весьма весомой бывает идеологическая составляющая. Можно согласиться с довольно точным замечанием российского международного В.Б. Кувалдина, что «львиная доля работ по глобальной проблематике создается в узкой социальной среде и отражает ее видение происходящего. Если постепенно фокусировать взгляд на источнике наиболее распространенных представлений о процессах глобализации, то динамика получится следующей: страны Северного полушария, Запад, англоязычный мир, США. Большинство авторов — хорошо образованные белые мужчины среднего возраста, жители городов, воспитанные в иудеохристианской традиции» [Кувалдин 2009: 11—12].

Все так, но необходимо внести одну существенную поправку. Дело в том, что чисто американской теории международных отношений попросту не существует, хотя этот факт настойчиво замалчивается в современной научной литературе. Международные исследования начали проводиться там примерно с середины XIX столетия как часть становления политической науки, однако носили не столько теоретический, сколько эмпирико-прагматический характер. Собственно, теорию в американскую академическую среду привнесли эмигранты из Европы, в основном эмигрировавшие после прихода к власти нацистов в Германии. Карл Дойч, Стэнли Хоффман, Ганс Моргентхау, Джон Херц, Арнольд Уолферс самым тесным образом были связаны с институционализацией ТМО в Соединенных Штатах. Стоит отметить также влияние философов, социологов, историков и т.д., которые даже не будучи профессиональными международниками, оказали важнейшее влияние на развитие дисциплины — это Ханна Арендт, Эрик Фегелин, Франц Нойман, Вальдемар Гуриан и др. [Roesch 2014: 1] Как известно, некоторые из эмигрантов вообще отказывались ассимилироваться в новой культуре (Стефан Цвейг, Франц Верфель и т.д.); другие — отказались от традиционного для прежней страны типа мышления, в особенности, покинувшие свои страны в молодом возрасте — Генри Киссинджер, Эрнст Хаас, Стэнли Хоффман; наконец, третьи попытались соединить обе интеллектуальные культуры (и таких было большинство). США продолжают оставаться страной эмигрантов. И сегодня ряды академических исследователей пополняются, но теперь уже за счет выходцев из Восточной Европы, Азии, Латинской Америки и т.д. Поэтому рассуждать о чисто американской науке будет как минимум неверно.

Конечно, по-прежнему, по сравнению с учеными-иностранцами американцы заметно преобладают среди авторов статей и книг, а также участников международных конференций. Из 38 476 опрошенных Элен Луизой Тертон из Шеффилдского университета исследователей 17 171 работали в американских университетах (т.е. 44,62%) [Turton 2016]. Это объясняется, прежде всего, громадными масштабами американской академической и университетской структуры, т.е. имеет не только качественное, но и количественное значение. Тем не менее следует оговориться, что вследствие плюрализма теорий, академический мир отнюдь не гомогенен, неверно сводить все богатство теоретической мысли только к идеологии американской внешнеполитической элиты, другое дело, что уровень влияния журналов, издательств и симпозиумов также отнюдь не одинаков.

Вместе с тем, ситуация не столь однозначна в принципе. Преподаватель университета Шеффилда в Великобритании Элен Луиза Тертон провела интересное исследование устойчивого стереотипа относительно американского доминирования в международных исследованиях. Прежде всего, она выявила, в каком смысле в научной литературе проходят рассуждения непосредственно о доминировании как таковом. По ее мнению, доминирование предполагает: 1) установление интеллектуальной повестки дня; 2) доминирование в дисциплине с теоретической точки зрения; 3) представление группы преобладающих эпистемологических и методологических утверждений, направляющих и поддерживающих большую часть международных исследований; 4) доминирующая группа представлена в большинстве институциональных структур и занимает там наиболее влиятельные позиции; 5) охраняет границы дисциплины, тем самым управляя процессом включения в сферу международных исследований (или исключения из нее) каких-то работ. По мнению ученого, асимметрия в пользу США начинает медленно, но все же последовательно смещаться в пользу специалистов из других стран. Некоторые другие академические сообщества также обретают высокие места в академических рейтингах, становятся привлекательными для студентов, формируют собственные интеллектуальные традиции. Наконец, редколлегии журналов, как правило, носят международный характер. Среди рецензентов также не так уж мало неамериканцев, так что утверждение о том, что американские ученые по-прежнему контролируют принадлежность к международно-политическому научному сообществу, сегодня уже не такая уж уверенная константа. Тем не менее, по ее данным, из всех статей, опубликованных в основных профессиональных журналах с 1999 по 2009 г., 78,1% имели американское происхождение, так же как среди участников четырех крупнейших международных конференций с 2000 по 2011 г. 84,1% были из США [Turton 2016]. Таким образом, если какое-то движение и происходит, то весьма медленное.

НЕЗАПАДНЫЕ ТЕОРИИ

Западная наука международных отношений — побочный продукт развития передовой, технически развитой цивилизации, сумевшей осмыслить свою историю во всей ее противоречивости и неоднозначности. Многие в ТМО универсально и может быть полезным при осмыслении внешнеполитической стратегии, в том числе и незападных государств. Другое дело, что это, очевидно, должно быть результатом самостоятельной рефлексии — бездумное копирование чужих идей и опыта никогда еще не приводило к успеху.

Но это отнюдь не означает, что незападному миру нечего предложить на рынок современных идей. Наоборот, есть и очень даже много. Подобно тому, как исследователи Древнего Рима часто «не замечали» Китай, англоязычные авторы часто заметно ограничивают себя географически и культурно. Незападные ученые имеют другие традиции образования, и они уже во многом оказывают влияние на англо-американскую мысль, в том числе через «личную унию» эмигрантов или публикации, а также лекционные курсы профессоров из других стран. Именно

свежий взгляд, сформировавшийся в другой традиции образования и мышления, уже сегодня позволяет не принимать на веру целый ряд тезисов и постулатов, воспринимаемых нашими коллегами из Англии и США как данность, не требующую доказательств. С этой точки зрения позиция стороннего наблюдателя, пытающегося найти рациональные зерна в англо-американских артефактах, сулит новые открытия. Такая стратегия исследования, разумеется, не освобождает от мифов и искажений, однако одновременно создает новые площадки для уже других фантазий, сюрпризов и удивительных открытий, без чего развитие науки вообще вряд ли возможно.

Кроме того, в последние годы постепенно начинают складываться национальные школы теоретико-международных исследований. Возьмем в качестве примера Китай. После окончания «культурной революции», многолетнего идеологизированного комментирования трудов Мао Цзэдуна, К. Маркса и В.И. Ленина, и открытия после 1980-х гг. КНР миру Китай буквально затопили труды западных теоретиков международных отношений. Дисциплина стала очень популярной, к 2006 г. число исследовательских центров и институтов догнало американские показатели. Однако, как и в некоторых других странах, китайские международные исследования носят не столько академический, сколько практический характер. Имеет значение также и то, что в отличие от Запада Китай никогда не переживал чего-то похожего на Просвещение, в нем не сформировалась длительной традиции рационального, абстрактного анализа. Но означает ли это, что китайские ученые обречены на копирование западных образцов? Отнюдь нет. Не случайно, особенно в последние годы, постоянно предпринимаются попытки придать теоретико-международным исследованиям китайскую специфику через обращение преимущественно к трем сферам: идеологии, модернизации и идеям древнекитайской философии.

Примером последнего подхода может стать такой теоретик, как Чжао Тинъян, предложивший переосмыслить современную глобальную политику на основе идей Конфуция и других древнекитайских мыслителей. Опираясь все же, главным образом, на методологическую основу западного конструктивизма, он сопоставил древнюю китайскую политическую систему с современной мировой системой. По его мнению, современный глобализирующийся мир не имеет собственной идентичности, продолжает считать референтным для себя национальное государство, и поэтому мыслит в интернациональном, а не глобальном духе, т.е. по-прежнему не воспринимает мир как целое. «Политическая философия или политическая наука никогда не будут полными до тех пор, пока перспектива мира как целого не будет в них привнесена, — подчеркивает китайский теоретик. — Только тогда проблемы мировой политики будут полностью поняты. Теория «всех в поднебесной» (all-under-heaven) создана для того, чтобы переосмыслить проблемы мира, такие как мировой порядок и управление, конфликты и сотрудничество, война, мир и культурные столкновения, все они обычно неверно конструируются теориями международных отношений». Как представляется, взгляды Чжао, безусловно, заслуживают внимательного и вдумчивого отношения, прежде всего, с точки зре-

ния другой онтологии, преодолевающей дуалистическое мировоззрение Запада и могут многое дать для разрешения вызовов современной глобализирующейся системе [Zhao Tingyang 2009: 12].

Теория международных отношений останется крайне односторонней также без учета вклада арабских и других мусульманских исследователей, пытающихся соединить достижения современных социальных наук с традициями ислама.

Иными словами, западная гегемония пока сохраняется, но и признаки ее размывания уже довольно заметны. Постепенно формируются сильные национальные школы теории международных отношений в других странах, например в Индии, Китае, на Ближнем и Среднем Востоке. Восточно-азиатские школы международных исследований во многом опираются на традиции английской школы (Хедли Булл и др.), противопоставившей идею международного сообщества системному подходу, широко представленному в научной литературе в США [Little 2000: 395—422]. Азиатские международники стремятся продемонстрировать наличие различных социальных и общественных норм в отличие от анархии и «естественного права» (японская норма — «паназиятство», индийская — неприсоединение, корейская — промежуточность и т.д.).

Это предполагает последовательное расхождение с англо-американским канонем. Ведь, в конечном счете, у каждого сообщества в мире существует собственная специфика восприятия международных процессов и событий. То, что применимо к реальностям западной цивилизации, отнюдь не обязательно отражает мировосприятие в других частях света. Вместе с тем ситуация все же не столь однозначна.

***

Таким образом, западная гегемония пока сохраняется. Другое дело, что довольно часто незападные исследователи лишь пытаются добавить национальную специфику, оставаясь методологически и концептуально в орбите англо-американских школ. Они довольно часто ограничиваются просто заменой терминов, ритуальными ссылками на свои религиозные и культурные традиции, примерами и цитатами мыслителей прошлых веков, но так или иначе принимают (или лишь упрощают) сложившийся канон теории международных отношений. Иными словами, это не альтернатива и всего лишь попытки формулирования локальных внешнеполитических идеологий. Именно в этом одна из причин того, что западная гегемония в области исследований МО продолжает столь мощно влиять на иерархию знаний, перспектив, тем и методов. Как известно, по А. Грамши, доминирование означает модель, воспроизведение которой последователями и эпигонами повышает престиж и, соответственно, силу доминирующего актора. С одной стороны, ничего драматического вроде бы в этом нет. В конце концов, речь идет о науке. Для нас ведь не так уж важно, что какую-то парадигму в физике предложил немецкий исследователь, а в биологии — японский. Кроме того, мы вряд ли заинтересованы в том, чтобы одновременно получить 200 различных теорий международных отношений.

Наконец, мы всегда должны помнить о разнице между теорией и идеологией, которая в самом общем виде может быть сформулирована следующим образом: теория — это, прежде всего, научное осмысление реальности, и коль скоро это так, на нее распространяется известный принцип Рене Декарта «подвергай все сомнению». Она не только строится на основе научной, аристотелевской, а не повседневной логики, она по определению диалогична и не просто предполагает, но настоятельно требует дискуссии, спора, опровержения, иначе говоря, тех самых сомнений. И, соответственно, доказательств, аргументов, четко сформулированных методов. Когда же теория становится однозначно зафиксированной, непреложной, неоспоримой, не терпит диалога и настаивает на вере в непогрешимость и моральную оправданность собственных представлений — она превращается в идеологию. Идеолог закрыт для дискуссии, он верит в истинность своих постулатов и искренне полагает, что все, не разделяющие его точку зрения, — враги, носители зла, в лучшем случае заблуждающиеся глупцы; поэтому он всегда авторитарен, ибо исповедует секулярную (светскую) религию. Разве не это происходит нередко со многими теориями международных отношений, которые более уже не терпят оспаривания и альтернативных мнений и становятся официальной доктриной того или иного государства или непреложным мнением какой-то группы профессоров?

Поэтому однозначно оценивать все теоретические исследования в сфере международных отношений на Западе как идеологию этой группы государств совершенно неверно, равно как и отстаивать априорную правильность и ценность любых западных теорий. Нужен жесткий, последовательный критический анализ всего того, что наработано в этой сфере и на Западе, и вне его. Принимая уже достигнутое в этой сфере, следует принимать и то новое, что появляется, причем не только на Востоке, но и на все том же Западе. Другое дело, что, вступая в новый мир, задумаемся о том, что весьма вероятно, что ключом к его осмыслению скорее всего станет не статистика, а деконструкция.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

- Алексева Т.А.* Современная политическая мысль (XX—XXI вв.). Политическая теория и международные отношения. М.: Аспект-пресс; 2016.
- Бади Б.* Возобновление истории? // *Международные процессы*. 2016. Т. 14. № 2 (45). С. 6—22.
- Баталов Э.Я.* Американская политическая мысль XX века. М.: Прогресс-Традиция; 2014.
- Зубок В., Ширяев Э.* Введение к хрестоматии // *Современная наука о международных отношениях за рубежом* / Под ред. И.С. Иванова. В 3 т. М.: РСМД; 2015. Т. 1.
- Кувалдин В.Б.* Глобальный мир: экономика, политика, международные отношения. Москва: Магистр; 2009.
- Aron R.* Paix et Guerre entre les nations. Paris; 1984.
- Ashworth L.* A History of International Thought. From the Origins of the Modern State to Academic International Relations. NY: Routledge; 2014.
- Cox R.* Social Forces, States, and World Orders: Beyond International Relations Theory // *Millennium-Journal of International Studies*. 1981. N 10. P. 126—155.
- Dunne T., Hansen L., Wight C.* The End of International Relations Theory? // *European Journal of International Relations*. 2013. N 19 (3). P. 405—425.

- Hobson J.M.* The Eurocentric Conception of World Politics. Western International Theory. 1760—2010. Cambridge: Cambridge University Press; 2012.
- Hoffman S.* An American Social Science: International Relations. In: Janus and Minerva: Essays in the Theory and Practice of International Politics. Ed. by Stanley Hoffman. Boulder, CO: Westview Press; 1987. pp. 3—24.
- Jordan R., Malinyak D., Oala O. et al.* One Discipline or Many? TRJR Survey of IR Faculty in Ten Countries. In: Teaching Research and International Policy Project. Research and International Policy Project. N.Y.: Institute for the Theory and Practice of International Relations: The College of William and Mary; 2009.
- Little R.* The English Schools' Contribution to the Study of International Relations // European Journal of International Relations. 2000. Vol. 6. N 3. P. 395—422.
- Quirk J., Vigneswaran D.* The Construction of Edifice. The Story of a First great debate // Review of International Studies. 2005. Vol. 31. N 5. P. 89—107. DOI: 10.1017/s0260210505006315.
- Roesch F.* Émigré Scholars and the Genesis of International Relations. A European Discipline in America? London: Palgrave Macmillan; 2014.
- Said E.* Orientalism. London: Penguin Books; 2003.
- Thies C.G.* Progress, History and Identity in International Relations Theory: The Case of Idealist-Realist Debate // European Journal of International Relations. 2002. Vol. 8 (2). P. 147—185.
- Turton H.L.* International Relations and American Dominance: A Diverse Discipline. Sheffield: University of Sheffield Press; 2016.
- Vitalis R.* The Graceful and Generous Liberal Gesture: Making Racism Invisible in American International Relations // Millennium: Journal of International Studies. 2000. N 29 (2). P. 331—356.
- Zhao Tingyang.* A Political World Philosophie in Terms of All-under-heaven (Tian-xia) // Diogenes. 2009. N 56. URL: <http://www.zhongdaonet.com/NewsInfo.aspx?id=4992> (accessed: 12.02.2016).

Дата поступления статьи: 14.03.2017

Для цитирования: Алексеева Т.А. «Запад» и «не Запад» в пространстве теории международных отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 217—232.

Сведения об авторе: Алексеева Татьяна Александровна — д-р филос. наук, канд. ист. наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории Московского государственного института международных отношений МИД РФ (e-mail: ataleks@mail.ru).

DOI: 10.22363/2313-0660-2017-17-2-217-232

“THE WEST” AND “NON-WEST” IN THE SPACE OF INTERNATIONAL RELATIONS THEORY

T.A. Alekseeva

MGIMO University of Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia

Abstract. Recently the question of “pro-Western” orientation of the IR theory turned to become in the center of the academic discussions. Its critics as well as the adherents of “non-Western” theories are partly right. Really, during more than one and a half century the theory of international relations, born and developed mostly in the West had been mostly supporting the ideas, being forms first in Europe, later

in the USA. The Anglo-Saxon authors are still dominating in the discipline, not only quantitatively (the huge scale of the publications of literature and professional magazines in English plus influence of the universities and scientific centers) as well as qualitatively (impressive financing opens the possibilities for the working out of the new ideas and the development of the ideas of different “schools” of thought — political realism, liberalism, constructivism, postmodernism, post-Marxism etc.). In the theories of IR was felt ideological biases. But on the wave of decolonization and later, in the context of the rising of Asian and other countries in world politics, the “Western” dominance was challenged by the IR-scholars from PR of China, India etc., who try to construct their own theories of international relations. The balance is slowly but continuously changing. But “Non-Western” theories are also not free from the ideological biases. Quite often they reject or severely criticize “Western” theories just because of their origin. Even more often they in fact continue to develop the same “Western” ideas, just adding to them the local thinker’s names or mentioning some national traditions or religious and cultural heritage. But if the Theory of international relations is a science, strictly speaking, in what country its main personalities were born and what language they were speaking, is not important. Obviously, the elements of ideology would be present. Just like any other social science, which deals not only with structures, but with human beings as well, it would be inevitably ideological. But it does not mean that theory may be identified with ideology. To solve this problem is possible through deconstruction of the theories, their “cleaning” of too obvious ideological moments — so the position of the IR scholar has to be *a priori* critical but preserving already achieved essence.

Key words: eurocentrism, theory of international relations, US domination, “non-West”, “West”, ideology, science

REFERENCES

- Alekseeva, T. A. (2016). *Contemporary Political Thought (20—21 c.). Political Theory and International Relations*. Moscow: Aspekt-press. (In Russ.).
- Aron, R. (1984). *Paix et Guerre entre les nations*. Paris.
- Ashworth, L. (2014). *A History of International Thought. From the Origins of the Modern State to Academic International Relations*. New York: Routledge.
- Badie, B. (2016). Has History Restarted? *International Trends*, 14, 2 (45), 6—22. (In Russ.).
- Batalov, Je. Ja. (2014). *American Political Thought of the 20 c.* Moscow: Progress-Tradicija. (In Russ.).
- Cox, R. (1981). Social Forces, States, and World Orders: Beyond International Relations Theory. *Millennium-Journal of International Studies*, 10, 126—155.
- Dunne, T., Hansen, L. & Wight, C. (2013). The End of International Relations Theory? *European Journal of International Relations*, 19 (3), 405—425.
- Hobson, J. M. (2012). *The Eurocentric Conception of World Politics. Western International Theory. 1760—2010*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Hoffman, S. (1987). An American Social Science: International Relations. In: *Janus and Minerva: Essays in the Theory and Practice of International Politics*. Ed. by Stanley Hoffman. Boulder, CO: Westview Press, pp. 3—24.
- Jordan, R., Malinyak, D. & Oala, O., et al. (2009). One Discipline or Many? TRJR Survey of IR Faculty in Ten Countries. In: *Teaching Research and International Policy Project. Research and International Policy Project*. New York: Institute for the Theory and Practice of International Relations: The College of William and Mary.
- Kuvaldin, V. B. (2009). *The Global World: economics, politics, international relations*. Moscow: Magistr. (In Russ.).
- Little, R. (2000). The English Schools’ Contribution to the Study of International Relations. *European Journal of International Relations*, 6 (3), 395—422.
- Quirk, J. & Vigneswaran, D. (2005). The Construction of Edifice. The Story of a First great debate. *Review of International Studies*, 31 (5), 89—107. DOI: 10.1017/s0260210505006315.
- Roesch, F. (2014). *Émigré Scholars and the Genesis of International Relations. A European Discipline in America?* London: Palgrave Macmillan.

- Said, E. (2003). *Orientalism*. London: Penguin Books.
- Thies, C. G. (2002). Progress, History and Identity in International Relations Theory: The Case of Idealist-Realist Debate. *European Journal of International Relations*, 8 (2), 147—185.
- Turton, H. L. (2016). *International Relations and American Dominance: A Diverse Discipline*. Sheffield: University of Sheffield Press.
- Vitalis, R. (2000). The Graceful and Generous Liberal Gesture: Making Racism Invisible in American International Relations. *Millennium: Journal of International Studies*, 29 (2), 331—356.
- Zubok, V. & Shirjaev, Je. (2015). Introduction to Reader. In: *Contemporary Science of International Relations Abroad*. Ed. by I. S. Ivanov. In 3 Vol. Moscow: RSMD, pp. 14—31. (In Russ.).

Received: 14.03.2017

For citations: *Alekseeva T.A.* “The West” and “Non-West” in the Space of International Relations Theory. *Vestnik RUDN. International Relations*, 17 (2), 217—232.

About the author: *Alekseeva Tatyana Aleksandrovna* — Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Political Theory of MGIMO University of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (e-mail: ataleks@mail.ru).

© Алексеева Т.А., 2017